

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШИХ КУЛЬТУРНО-ПИСЬМЕННЫХ
БОЛГАРО-РУССКИХ КОНТАКТАХ

Румяна Павлова

/София/

Разнообразная и богатая проблематика, связанная с христианизацией Древней Руси, как это хорошо известно, включает и многоаспектные болгаро-восточнославянские взаимоотношения. Едва ли можно считать, что 988 г. является началом этих взаимоотношений¹. После авторитетных работ М.Н. Сперанского, М.Н. Тихомирова, В. Мошина, Б. Ангелова и др. положение о том, что "проникновение болгарской книги в восточнославянские земли началось еще в период неофициального распространения здесь нового вероучения"² выглядит весьма приемлемым. Это означает, что болгарско-русские и русско-болгарские культурно-исторические, и литературно-языковые взаимоотношения, отличающиеся своим многообразием и богатством, продолжают больше тысячелетия.

Благодаря сложившимся историческим обстоятельствам Болгария официально приняла христианство значительно раньше -- в 864 г. Девятое и десятое столетия известны как золотое для древнеболгарской культуры время. Вероятно, древнеболгарские книги стали распространяться в Киевском государстве еще во время княгини Ольги, которая была христианкой. Это означает, что хотя бы при ее дворе должны были быть славянские священные книги /известно, что греческого языка Ольга не знала и поехала в Царьград с двумя переводчиками/. Такие книги должны были иметь и христианские общины в Киевской Руси, даже если предположить, что они были малочисленны и имели только церковь святого Ильи, о которой сообщается в Повести временных лет. Известно, что для любой церкви был необходим хотя бы минимальный набор церковных книг: евангелие, апостол, служебник с требником, псалтырь, часослов, сокращенный октоих, сокращенная триодь -- постная и цветная, праздничная минея и паримейник³. В X в., как об этом пишет В. Мошин, все это легко могло быть получено из Болгарии при Игоре и

Ольге. При Владимире и особенно после 988 г. поток болгарских книг явно усилился. Но связанные с болгарскими протографами, восточнославянские рукописи X века до нас не дошли. Самые ранние списки в том числе и датированные относятся к XI в.

Ранние восточнославянские рукописи XI в., связанные с древнеболгарскими протографами, представляют большой научный интерес для истории и русского, и болгарского языков, так как в них кроме восточнославянского пласта содержится и богатый древнеболгарский языковой материал. Поэтому не случайно, что в последнее время стала разрабатываться проблема расширения источниковедческой базы истории болгарского литературного языка за счет восточнославянских списков с древнеболгарских протографов⁴.

При разработке этой проблемы надо учитывать, что при списывании древнеболгарских рукописей, особенно канонического содержания, древними писцами руководил сильный мотив священности текста. Это означало, что переписчики в принципе стремились к буквальному копированию, боясь произвольного отклонения от канонического текста. Сведения о переписывании "слово в слово" иногда дают сами писцы. Например, в рукописи Погод. 968 /ГПБ/ в приписке на л. 222об сообщается: ... написана въ книга сѣа аданасиа александарьскы. в великомъ новѣгородѣ въ владыиунѣ дворѣ повелѣнїемъ дїакона Гердасима поповни а писалъ вратъ его Мита а писати вси велѣлъ слово въ слово. писана съ списка с старыѣ книги с болгарьскыѣ.

Акростих в византийской и древнеболгарской литературе предохранял текст от более поздних текстуальных изменений. Последние очень важные открытия в области древнеболгарского акростиха⁵ подтверждают впечатление о стремлении к точной переписке древних текстов.

Но мотивом священности все же не исчерпываются механизмы, действующие при копировании текстов. Древнеболгарские рукописи должны были приспособиться к местной языковой среде, и успешно в ней функционировать. Древнерусские книжники могли бы в этой ситуации осуществить следующую процедуру: сохранив общий языковой фонд, заменить систематически различные от восточносла-

вянских древнеболгарские формы, местными древнерусскими языковыми формами. Но так не случилось, потому что мешал именно сильный мотив священности текста. Однако, с другой стороны, русификация этих рукописей есть очевидный факт. Нужно отметить, что проблема о степени и характере русификации из-за недостаточной изученности рукописного материала не решена удовлетворительно в славистике. Мнения о том, что русификация была незначительной и касалась прежде всего или только графики, орфографии и фонетики или наоборот, что она становилась все сильнее с XI по XIV вв. и охватывала широко лексику и грамматику, надо серьезно защитить сопоставительными языковыми и текстологическими исследованиями:

Изучение сохранившихся древнейших восточнославянских рукописей дает возможность проследить не первоначальную степень их русификации, которая явно началась еще в X в., а получить представление о том, что было несколько позже, в XI в. Древнерусский графико-орфографический и фонетический слой в сохранившихся древнейших восточнославянских рукописях, изучался и продолжает изучаться в славистической науке. В последние годы ценны в этом отношении своим материалом, подходом и выводами являются работы проф. Тота. По сравнению с тем, что было сделано раньше, в них не только разработана методика и обстоятельно исследуется новый материал, но и учитываются достижения в изучении древнеболгарского языка и особенно новые открытия в области эпиграфики и палеографии.

Известно, что в последние годы доказано существование ранней кириллицы в болгарской эпиграфике, показан древний характер одноерового правописания и его распространения в Преславском центре, доказано, благодаря эпиграфическому материалу Преслава, Равны, Крепчи, Силистренского района и Северной Добруджи, широкое распространение глаголицы в Северо-Восточной Болгарии и ее сосуществование с кириллицей, установлено большое разнообразие в орфографии ранних кириллических и глаголических памятников⁶ и т.д.

Среди восточнославянских рукописей XI в., безусловно важное место занимают датированные книги. К ним относится и Изборник 1073 г., списанный для Киевского князя Святослава. В Болгарии эта книга была переведена в начале X в. для царя Симеона. Изборник 1073 г. -- большой текст, содержащий около 7000 слов и свыше 90000 словоупотреблений. Исследователи письма и орфографии рукописи обычно разделяли ее на две части: основная часть с листа 86а по лист 246а и меньшая часть -- начало рукописи и запись на л. 236в. Б. Велчева с точки зрения орфографии выделяет в Изборнике 1073 г. не две, а шесть частей.

В Изборнике Святослава наблюдаем ряд особенностей, имеющих значение для исторической фонетики и грамматики восточнославянских языков. Последовательно, благодаря орфографии представлено мягкое окончание -т' в 3 л. ед. и мн.ч. глаголов, преобладает особенно до 86 л. окончание -ъмь, -ъмь в твор.пад. существительных с основой на о, јо. Изборник 1073 года дает надежные сведения об утрате ринезма в языке восточнославянского книжника, хотя правописание юсов и их древнерусских соответствий не упорядочено и все еще не выработана древнерусская орфографическая норма.

До 86 л. предпочитается правописание ър, ѡр, ѣл в отличие от остальной части рукописи, где за небольшими исключениями соблюдается древнеболгарская орфография, хотя произношение писцов едва ли было различным. Изборник Святослава дает надежные примеры о восточнославянском произношении ж на месте праславянского *dj, несмотря на то, что за исключением слова прѣже, древнеболгарские варианты правописания через жд господствуют. Например, форма надежда употреблена 34 раза, а надежа -- 1 раз, основа осжда -/осоужда 25 раз, осоужда-- 2 раза, междуѡ -- 6 раз, межн -- 2 раза и т.д.

Примеры, как полонз и производные /в рукописи есть 7 таких примеров, 6 из которых до 86 листа/ поросате, вереди, оудоровь -- все до 86 листа, подсказывают наличие полногласия в народно-разговорном языке писца. Однако по сравнению с неполногласными написаниями в рукописи они представляют редкие отклонения. То же самое можно сказать и об употреблении флексии -ѣ в род.пад.

ед.ч. и в им./вин.п. мн.ч. -ја основ, о формах товѣ, совѣ и в некоторых других.

В Архангельском евангелии 1092 г., как это известно, есть несколько почерков: первый л. 1--76б, второй, принадлежащий Мичке, л. 77--175а, третий л. 175--177, четвертый на л. 177б -- это почерк XIII--XIV в. и пятый почерк XII в. л. 178--178б. Первые три /третьему принадлежат только два листа/ относятся к 1092 г.

Первые две основные части рукописи /л. 1--76б и л. 77--175а/ показывают различия в степени русификации⁸. В то время как Мичка употребляет знак ж только в месяцеслове /9 раз в слове съвота/, а в остальных случаях он уже провел древнерусскую орфографическую норму, первый анонимный писец часто оставляет знак ж на своем этимологическом месте или пишет его на месте этимологического оу. Только у Мички встречается написание одинъ /3 раза: одинъ л. 96а и л. 101б, одного л. 129а/ и разговорное восточнославянское окончание -ѣ в род.пад. ед.ч. -ѣ ја основ и в вин.пад. мн.ч., например: недѣлѣ л. 86б, еуѣимѣ л. 130, прѣруицѣ л. 157б, мѣнцѣ л. 169, сѣовѣ л. 169, илиѣ л. 169б, захарнѣ л. 167. Главным образом во второй части, которую писал Мичка, находим местоименные формы товѣ /у Мички 19 раз, а в первой части 1 раз/совѣ /соотношение 14:7/⁹ и слова с ж на месте *dj. В обеих частях полногласные употребления являются редким исключением: веремѣ л. 13б, берегоу л. 31б, оумерети л. 95, жерезина л. 110б/.

В обеих частях однако последовательно переведены два правила правописания: 1/ т' в 3 л. глаголов /единственное исключение форма възхѣтитѣ л. 7/ 2/ -ър-, -ьр-, -ъл- с четырьмя исключениями: тлѣцѣте л. 26б, накрѣмихомѣ л. 74б, злѣуѣю л. 108б, црѣкѣвѣ л. 118а. Написания -ър-, -ьр- редки: възхѣрами л. 136а, възхѣси 144б, възхѣвом 147б, црѣкѣвѣ л. 102; л. 168б, ѡвѣрьзоуѣтъ сѣ л. 61б.

Окончание с -ъмь, -ьмь в тв.п. ед.ч. -о и -ю основ преобладает в обеих частях. Это написание явно отражает орфографическую норму, выбранную древнерусскими писцами в соответствии с народ-

но-разговорным произношением. Надо добавить, что написание с ѣмь, ѣмь не было чуждо и древнеболгарской письменности. Оно встречается в некоторых из сохранившихся древнеболгарских рукописях, напр., в Зогр. ев. глдезьь сьльрьь , в Сав. книге ножьь, в Син. пс. глдезьь, штъзьь, в Супр. глдезьь, плаузьь. вожьствзьь и т.д.

Исследование материала в двух датированных древнерусских рукописях, написанных в 1073 г. и в 1092 г., позволяет проследить этап в развитии древнерусской письменной нормы. Эта норма в обеих рукописях все еще допускает варианты за исключением т' в качестве глагольного окончания. Последовательно проведено также написание ѣр, ѣр, ѣл в Архангельском евангелии, преобладает оно до 86-ого листа в Изборнике 1073 г. Писец Мичка пишет, как правило, оу на месте этимологического д. В остальных частях Изборника написание ѣр, ѣр, ѣл и оу < д варьируется.

Случаи как первое полногласие, гласный о в начале слова, окончание ѣ в род.пад. ѣа основ и т.п. отражены в Изборнике Святослава и Архангельском евангелии очень скромно и производят впечатление случайных вкраплений в текст.

Надо сказать, что картина русификации в этих двух больших рукописях очень близка к результатам, показанными И. Тотом по отношению к десяти другим ранним небольшим древнерусским рукописям и по отношению к Остромирову евангелию.

Знакомство с письмом Изборника 1073 г. и Архангельского евангелия, однако, говорит о высокой технике, об очень хорошем обучении и тщательной подготовке древних восточнославянских писцов, о наличии даже в одном и том же скриптории разнообразных орфографических школ.

Примечания

1. См. Румяна Павлова. Болгарско-русские и русско-болгарские языковые связи. София, 1979, с. 20--41. Там же и литература вопроса.

2. Э. Зыков. Заметки о русско-болгарских литературных связях старшей поры /X--XI вв./. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи 1. Л., 1976, с. 10.
3. См. В. Мошин. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X--XV вв. ТОДРЛ. т. XIX, М.-Л., 1963, с. 52.
4. С.Б. Бернштейн. Главни проблеми на историята на българския език. Изследвания върху историята и диалектите на българския език. София, 1979, с. 47--49; Румяна Павлова. Некоторые проблемы изучения языковых взаимодействий болгар и русских /X--XIV вв./. Славянска филология, т. 17. София, 1983, с. 33--39.
Когда мы говорим, что протограф какой-либо восточнославянской рукописи -- древнеболгарский, это не означает, что между протографом и конкретной рукописью не могло быть и других списков. Очень вероятно, что, например, между Изборником 1073 года и его древнеболгарским протографом были и другие, возможно, и восточнославянские списки.
5. См. Г. Попов. Триодни произведения на Константин Преславски. Кирило-Методиевски студии, кн. 2. София, 1985.
6. См. Б. Велчева. Орфография древних русских рукописей XI в. и древнеболгарская письменность. Славянска филология, т. 19. София, 1988, с. 147--148.
7. Там же, с. 149--152.
8. Пользуясь данными полной картотеки языка рукописи, имеющиеся в Лингво-текстологической лаборатории Софийского университета.
9. Цифры установила молодая коллега Т. Славова.
10. В Македонском Кириллическом листе есть написание через -ъль-, например: дъльжаѣ.